

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЁТ ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУППЫ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ¹

А.В. Тунаев

Южный федеральный университет

Аннотация: *Статья посвящена анализу материалов фокус-группы среди студентов естественнонаучных специальностей, проведённой в рамках комплексного исследования праворадикальных идеологем в сознании студенческой молодёжи Ростовской области под руководством С.П. Поцелуева. Специфика фокусированного интервью позволяет акцентировать внимание модератора на эмоциональных реакциях, стратегических установках, практиках выстраивания дискуссии и межличностных взаимодействиях участников группы, формирует представление о ценностных ориентирах. Основанная на данных показателях, аналитическая обработка фокусированного интервью, предназначена для уточнения и дополнения ранее полученных результатов анкетирования и свободного интервью.*

Ключевые слова: *фокусированное интервью, праворадикальные идеологемы, молодежь, ценности, практики поведения, идеология.*

Постановка проблемы

Цель данной работы: используя метод фокусированного интервью, дополнить и уточнить ранее обработанные материалы анкетирования и свободного интервью, полученные в рамках исследования формирования и функционирования праворадикальных идеологем в сознании студенческой молодёжи Ростовской области научным коллективом под руководством С.П. Поцелуева. Интервьюирование позволяет акцентировать внимание на эмоциональных реакциях, которыми сопровождаются индивидуально пережитые ситуации, важные для исследования, а также на стратегических установках и моделях поведения участников. Сама специфика общения в малой группе фокусированного интервью демонстрирует различные стратегии и практики выстраивания дискуссии, межличностное взаимодействие участников группы, формирует представление о ценностных ориентирах и убеждениях, демонстрирует динамику их возможной корректировки в зависимости от доминирующих позиций в группе.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодёжи Ростовской области», проект № 14-03-00302а.

Теоретические предпосылки

Исследование праворадикальных идеологем в сознании студенческой молодёжи основывается на сформированных теоретических и методологических принципах, которые отражены в работах исследовательской группы. Сложность и многогранность дефиниций и подходов к пониманию правого радикализма, определения его признаков, его роли в различных идеологиях, подводит к пониманию идеологии как составной и многоуровневой структуре. Иначе говоря, идеологию можно охарактеризовать как структуру, состоящую из ядерных, смежных и периферийных концептов. Например, ядром, основным концептом либеральной идеологии, можно считать свободу; смежными концептами являются демократия, права человека, правовое государство; к периферийным концептам можно отнести экологическую безопасность, гуманное отношение к животным и т. д. [Поцелуев, Константинов 2014: 86–89]. Правый радикализм может выступать ядром для фашизма, национализма, шовинизма. Именно такое понимание идеологии легло основу интерпретации материала и аналитического разбора фокусированного интервью.

Обращаясь к самому термину «правый радикализм», нужно представлять, что в европейской политической традиции радикализм противопоставляется консерватизму; это позволяет характеризовать идеологии, в которых присутствует правый радикализм, как антилиберальные и антидемократические, применяющие политическое насилие, использующие традиционализм и идею национального величия в обосновании борьбы с другими государствами. Национальная идея и «воспроизводство» государства приобретают форму борьбы с различного рода врагами, при этом протестные настроения нивелируются мнимой борьбой и консервируются без перспективы решения принципиальных проблем в таких сферах общественной деятельности, как правоотношения, справедливое функционирование суда, борьба с коррупцией, выборы различного уровня, качество образования и медицины, экономическое благополучие населения. Поэтому цель фокусированного интервью заключалась в определении того, как праворадикальные идеологемы влияют на восприятие политического процесса, какие оценки являются ключевыми для отношения к институтам государства и власти в целом.

Задачи фокусированного интервью:

- определить, от чего зависит доверие или недоверие к источникам информации;
- проанализировать понимание праворадикальных идей и отношение к ним через интерпретацию политических событий;
- определить личную позицию по отношению к правому радикализму;
- оценить общие представления о возможных процессах радикализация общества;
- выявить взгляды на международные стратегии России.

Состав фокус-группы был подобран по естественнонаучному профилю обучения, состоял из студентов второго и третьего курса подготовки, в количестве семи человек. Гендерное соотношение: четыре мужчины и три женщины; продолжительность фокус-группы — шестьдесят три минуты.

Специфика интервьюируемой группы, заключается в определённых качествах студенческого состава. В первую очередь следует отметить естественнонаучную профессиональную принадлежность, которая время от времени давала основания дистанцироваться от политической сферы деятельности, однако не создавала преграды для осведомлённости о различного рода политических событиях. Все участники группы декларировали понимание специфики проявления правого радикализма в политическом процессе, однако по-разному аргументируя свою точку зрения.

В целом, следует отметить достаточно низкий интерес респондентов к аналитическому многоуровневому подходу оценки политических процессов; в такой ситуации различного

рода мифы и радикальные (авантюристические) идеи находят большую поддержку. Это означает не готовность к протесту, но стремление к различным формам идеологического «конформизма», солидарности с мнением «большинства». Особо отмечу восприятие критики власти со стороны участников группы: в определённом роде она приобретает персонифицированный характер, то есть критика в отношении государства и политической власти расценивается как личностные претензии, что свидетельствует о недостаточной критической восприимчивости идеологической позиции власти.

По вопросу уровня доверия/недоверия к источникам информации удалось выяснить следующее. В процессе анкетирования и группового интервью было выявлено, что основными источниками являются федеральные телевизионные каналы, среди которых чаще всего назывались: «Первый канал», «Россия 1» и «Россия 24». Вторым по значимости источником получения информации является Интернет (Интернет-издания печатных СМИ, блоги, социальные сети и др.). Однако высокого уровня доверия ни к одному из источников информации высказано не было: участники считают, что все источники в той или иной степени имеют ангажированный характер. По мнению респондентов, для получения достоверной информации необходимо анализировать несколько источников, сравнивать и соотносить получаемую информацию с собственным представлением о проблеме. Отдельно отмечалось, что распространение в СМИ пропагандисткой риторики и информационных баталий, вносит дополнительные сложности в интерпретацию происходящих событий. В целом, интерес к политике в определённой мере зависит от плюрализма представляемых мнений; отсутствие таковых вызывает недоверие к основным СМИ и переориентирует вектор получения информации на социальные сети и межличностное общение.

Вопрос об оценке террористических актов, произошедших в ноябре 2015 года во Франции, выявил несколько точек зрения в отношении радикализма и терроризма, а также показал уровень личностного сочувствия и способности к сопереживанию.

«Европейцы вместе с американцами постоянно устраивают войны, это своеобразный ответ... При слабости их силовых структур (в отличие от российских), такие события могут быть в любой европейской стране» [здесь и далее курсивом выделены цитаты интервьюируемых — примеч. ред.]

Это свидетельствует о позиции «справедливой расплаты» государств за проводимую международную политику, радикальными средствами; такая точка зрения в той или иной мере присутствовала во всех ответах участников фокус-группы. Однако на вопрос, почему именно Франция стала объектом атаки, аргументация содержала представление о единой Европе во главе с США, правительство которой в большей мере виновато в сложившейся политической обстановке в мире.

«Американцы создают проблемы... не решают их, что приводит к приезду эмигрантов в Европу с разными ценностями».

«Это страшные события, убийства повсюду».

Здесь можно видеть явно выраженное сочувствие пострадавшим и пережившим формы террористического воздействия, однако это, в первую очередь, эмоциональная реакция на убийство людей. Политические причины — почему это произошло, — здесь явно второстепенны, что предполагает возможность ответной, не менее жёсткой реакции.

«Нужно помнить о терактах и войнах в других местах² о тех людях мы ничего не знаем...».

Эмоциональное разделение по цивилизационному принципу мы/они вносит определённые различия в трактовках респондентами радикализма: понимание радикализма в странах с постоянной напряжённой внутренней обстановкой, где жертвы в военных операциях и террористических актах становятся нормой, отличается от трактовки такового в странах с единич-

² Скорее всего, имеется в виду операция по борьбе с Исламским государством, — запрещённой в России террористической организацией.

ными и/или редко повторяющимися террористическими актами, где жертвы вызывают больше внимания общества и реакцию властей. Основываясь на этом, можно констатировать, что Россия представляется участниками фокус-группы как определённо мирная страна, где теракты случаются не чаще, чем в Европе.

«Людям дали понять, почему так произошло..., почему не работала полиция... Это реакция на старые устои Европы».

Исходной точкой зрения на радикальные процессы следует считать ответную реакцию на процессы глобализации и европеизации, при сохраняющейся международной системе национальных государств. Историческое развитие исламских стран, в которых национальные принципы формирования государства не являются фундаментальными, создаёт формы наднациональных, в данном случае — религиозных — принципов объединения, что вступает в противоречие с западной моделью и принципами сотрудничества в рамках международного права. Участники интервью чётко мыслят в рамках этого противостояния, где радикальные формы проявления борьбы считаются допустимыми в качестве одного из методов выражения позиции и требуют симметричного ответа.

«В мире идёт постоянная война; при этом совершенно закономерно, что происходят ответные реакции... Ещё многие страны будут затронуты... Терроризм был, есть и будет. Вне зависимости от места — чеченский, исламский...».

«Обезопаситься от теракта невозможно, нужно государству нас лучше охранять...».

«Сочувствие есть к жертвам, но надо думать о том, что это может произойти в России и рано или поздно произойдёт... Террор есть и в России».

Общая эмоциональная среда данных высказываний свидетельствует о личных переживаниях и тревогах. Отсюда — требование к государству обеспечить безопасность и дать гарантии предотвращения террористических актов, тем более если учесть действия радикальных исламских группировок на территории России. Это естественная реакция на имевшие место в России террористические акты.

Вопрос об идеологических предпосылках радикализма имел абстрактные ответы, которые свидетельствуют скорее о размытом поле концептов, характеризующих идеологию радикализма. Такая ситуация позволяет манипулировать представлениями о политических процессах с целью наделения их мифическими качествами жестокости, опасности и т. д. Примером тому могут служить представления, сформированные в российском общественном сознании и выявленные проведённым исследованием на стадии анкетирования и свободного интервью среди студенческой молодёжи об «укрофашистах», «бендеровцах», «правом секторе³», войсках Североатлантического альянса, которые стремятся реализовать свои агрессивные планы в отношении любого недружественного государства. Такое восприятие позволяет оценить в качестве радикального практически любой процесс, в котором прослеживается несогласие с декларируемой властью позицией, не только в международных вопросах, но и (что более опасно) в вопросах внутренней политики. Следовательно на этой основе можно легитимизировать самые жёсткие формы ответной реакции. Реакция на сбитый российский самолёт «Су-24» и радикальный разворот в отношениях с Турцией, до недавнего времени — с четвёртым по товарообороту экономическим партнёром, явно свидетельствуют об этом. Характерные высказывания:

«Они уничтожали людей... фашисты».

«У них одна идеология — убивать, наносить больше вреда, разделять народы».

«Мы не можем знать, какая идеология движет террористами... может быть, просто желание причинять страдания...».

«Вполне возможно, что идеологии и нет, всем движут деньги».

³ Организация, запрещённая в РФ — примеч. ред.

«Россия должна дать отпор... Сбили самолёт; если это оставить безнаказанным, то продемонстрируем слабость...».

Радикальные действия порождают ответную реакцию со стороны власти и общества, консолидируя его; зачастую эта реакция после непродолжительного времени шока, приобретает явную форму силового возмездия. Эта реакция, помимо военных операций, реализуется и в ухудшении отношения к эмигрантам из исламских стран. При этом признаётся, что определённую роль в процессе формирования представлений об эмигрантах играют СМИ:

«СМИ сами подогревают негативное отношение к эмигрантам, создавая негативный образ преступников... Такие выводы об эмигрантах не всегда верные».

Личное отношение к правому радикализму как форме политического участия свидетельствует, по крайней мере, о двух тенденциях. Первая заключается в формировании системы взглядов, где верховенство права, свободы и других либеральных ценностей становится инструментом в процессах разрешения общественных и политических проблем. Вторая рассматривает радикализм не только как ответную реакцию, самозащиту, но и как идеологию реваншизма. Следует отметить, что представления о правом радикализме имеют слабые научные основания, и выстраиваются на эмоциональных и этических оценках действий, совершаемых радикальными субъектами или террористами. Особую роль в личном отношении к правому радикализму выполняют исторические события, которые мифологизируются и транслируются властью, а также общественным мнением для маркирования политических событий. Это не только, как может показаться на первый взгляд, образы Второй мировой войны, борьба с фашизмом. Не менее востребованной является и история противостояния СССР и США, геополитическое и национальное превосходство, образ гегемона и мировой державы и т. д.

Основную проблему радикализма участники видят в процессе ухода от светского государства и в доминировании религиозных догм над общегражданскими.

«Там где западные (либеральные) ценности эффективно функционируют..., исламисты не возьмут власть».

«Европейский мир более толерантен к различным нациям... В Чечне, допустим, ситуация совсем другая, чем в России... идёт исламизация».

«Пушкой будет меньше прав, но больше безопасности со стороны государства».

«Нужно понимать, по каким правилам играет твой враг, разобрать его принципы... и использовать ответные принципы».

«Государство не должно строиться на религиозной основе..., но мусульмане не адаптируются, мусульмане воспринимают государство религиозно».

В ответ на вопрос, возможна ли радикализация российского общества и что нужно предпринимать чтобы это предотвратить, участники фокус-группы высказывались так:

«Предотвратить невозможно, тем более в нашей стране; это связано и с территориальными особенностями... Экономически надо быть самостоятельными, усилить контроль за террористами».

«Россия должна отстаивать свои экономические интересы, нужно максимально договариваться по сотрудничеству».

«В России невозможны крупные протестные выступления, так как достаточно хорошо работают спецслужбы... Конечно, возможны такие террористические акты как в Париже, но Россия вполне справляется с этим; важно иметь стратегические цели».

Власти выгодно такое представление об Исламском государстве [запрещённая в РФ организация — примеч. ред.], да и о любой другой террористической организации, в соответствии с которым она имеет целью уничтожение, в первую очередь, западной цивилизации, европейского образа жизни, критикуя ценности либерализма, свободы и светской формы государства. Гражданам России предлагается со стороны посмотреть на то, как будут противостоять религиозные фанатики и «загнивающий» Запад.

В группе превалирует мнение о том, что российское общество, основанное на традиционных ценностях, мирного межнационального и конфессионального сосуществования, может дать адекватный отпор радикальным идеям. Естественно представление о том, что традиционализм и является одним из элементов радикализма, уходит на второй план. Можно констатировать, что российская власть убедила граждан и создала у них определённые представления о приемлемом уровне безопасности от терроризма и религиозного радикализма. Эта вера сочетается с терпимостью к некоторым элементам радикализма, если они обусловлены этнической идентичностью или предпосылками традиционализма.

Кроме того, сформировано представление о конфликтных отношениях между Россией, США и странами Европы, что по сути, может иметь следствием продолжение холодной войны. С такой точки зрения и Украина, и Сирия, стали местом столкновения геополитических интересов. Убеждённость участников интервью в необходимости отстаивания международных амбиций России отодвигает на второй план справедливость и рациональность этих амбиций. Культивируемый образ мифического врага всё больше подогревает радикальные настроения, как в международной, так и во внутренней политике.

«У России никогда не было настоящих союзников..., но при этом мы всегда побеждали».

«Нужно вернуть бывшее влияние, тогда и безопасность будет надёжнее».

«В Сирии происходит противостояние России и США».

Выводы

У большинства участников фокусированного интервью достоверность информации, подаваемой по федеральным каналам, вызывает сомнение; есть потребность в плюрализме оценок происходящих политических событий и, в первую очередь, международных угроз для России.

Понимание и отношение к правому радикализму формируется под воздействием информации о внутрисполитической и международной обстановке, а также оценками происходящих событий; характеризуется превалированием эмоционального восприятия над рациональным осмыслением и потому весьма мифологично.

Существует угроза национализма и религиозного радикализма. Неэффективное функционирование социально-политической системы, отсутствие последовательной национальной политики создают условия для формирования правого радикализма и протестных настроений.

Радикализация представлений о роли России в современных международных отношениях приводит к воспроизводству геополитических амбиций и авантюрных проектов национального реваншизма.

Поцелуев С.П., Константинов М.С. 2014. Современный правый радикализм: проблема идентификации признаков. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 3.